

На правах рукописи

Визгалов Георгий Петрович

**МАНГАЗЕЯ – ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГОРОД
В СИБИРСКОМ ЗАПОЛЯРЬЕ
(по материалам новых археологических исследований)**

Специальность – 07.00.06 – археология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2006

Работа выполнена на кафедре истории России
в Уральском государственном университете им. А.М. Горького

Научный руководитель: кандидат исторических наук, профессор
Овчинникова Бронислава Борисовна

Официальные оппоненты: доктор исторических наук
Рыбина Е.А.

доктор исторических наук
Седых В.Н.

Ведущая организация: Томский государственный университет

Защита состоится « ____ » _____ 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.002.052.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Институте истории материальной культуры РАН по адресу: 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института истории материальной культуры РАН.

Автореферат разослан « ____ » _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат исторических наук

П. Е. Нехорошев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Сегодня Крайний Север Западной Сибири – одна из наиболее динамично развивающихся территорий России, благодаря созданию здесь в 70–80-е гг. XX в. крупнейшего комплекса нефтегазовой промышленности.

В конце 80-х – 90-е гг. XX в. политологи, общественные деятели, местные историки и краеведы стали уделять значительно больше внимания истории малочисленных народов Севера, что в целом является положительным явлением. Однако при этом не учитывалось влияние русского населения на формирование культуры местного населения на протяжении более четырех столетий, а исследования по истории русской культуры на Крайнем Севере почти не проводились.

В связи с тем, что за короткое время освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири произошло многократное численное превышение пришлого населения над местными жителями (русскими старожилами и народами Севера), в обществе сформировалось представление о совсем недавнем появлении в этих местах русского человека и русской культуры. Основная причина этого – недостаточная разработка и популяризация научной проблематики, объективно формирующей на основе исследований первых русских поселений Крайнего Севера.

Освоение русскими Севера Западной Сибири приходится на период позднего средневековья (XV–XVII вв.), который сегодня является наименее изученным в археологии данного региона, несмотря на то, что археологические материалы этой эпохи, в сравнении с ранними, наиболее сопоставимы с историческими и этнографическими источниками и, соответственно, представляют научный интерес для применения ретроспективного метода в исследовании истории и культуры народов Крайнего Севера. Это относится не только к русским древностям, но и к археологическим памятникам аборигенных культур.

Лишь в последние годы археологи приступили к исследованию памятников этого периода, оставленных аборигенным населением – Обдорского, Войкарского, Надымского городков. Однако «русская археология» Севера Западной Сибири и в настоящее время почти не является предметом исследований ученых, основное внимание которых в последние десятилетия сосредоточено на культурах аборигенного населения. Заметим, что исследование генезиса аборигенных культур за последние 400–500 лет без привлечения материалов памятников русского населения вряд ли правомерно.

«Первый «раскопанный» сибирский город эпохи великих русских географических открытий» – городище Мангазея, как показали новые раскопки, требует существенной поправки и дополнений к результатам предыдущих исследований.

Цель и задачи исследования. Основной целью данной работы является реконструкция культуры (хозяйства, быта, домостроения, одежды, верований и др.) русского населения Севера Западной Сибири первой половины XVII века по материалам новейших комплексных исследований археологического памятника – городища Мангазея. Для достижения этой цели в работе были поставлены следующие задачи:

– проведение археологических исследований опорного русского поселения XVII века – Мангазея, расположенного на Крайнем Севере Западной Сибири;

- комплексный анализ археологических материалов Мангазеи в сравнении с материалами раскопок других поселений Севера Западной Сибири;
- соотнесение данных, полученных по результатам комплексных археологических исследований Мангазеи, с письменными и этнографическими источниками;
- соотнесение новейших и уже известных результатов комплексных исследований Мангазеи;
- получение исторической информации по результатам палеоэкологических исследований культурного слоя Мангазеи;
- историческое моделирование культуры русского населения Западно-Сибирского Севера по результатам комплексных исследований.

Объектом исследования является русский город Мангазея, который, как известно по письменным источникам, был основан в 1601 г. и просуществовал более 70 лет. Как археологический источник город Мангазея обладает рядом признаков, не свойственных другим объектам. Это связано в первую очередь с тем, что памятник расположен в зоне мерзлоты, благодаря которой предметы сохраняются в идеальном состоянии. После прекращения существования Мангазеи на этом месте не было крупного постоянного поселения, что способствовало сохранению культурного слоя. В связи с этим, Мангазея явилась населенным пунктом, который просуществовал конкретный отрезок времени в XVII в., являясь единственным русским городом на этом пространстве. В силу этого, археологическая коллекция, полученная в результате его исследований, может в определенной степени служить эталоном для русских памятников XVII в. Мангазея, по историческим данным, была городом – уездным центром, а не острогом, слободой, заставой, зимовьем или другим менее значительным поселением.

Предметом исследования являются материалы, полученные автором в результате археологических исследований городища Мангазеи в 1999–2005 гг. Как показали современные исследования, памятник содержит значительный по площади и мощности неисследованный культурный слой. В связи этим, появилась необходимость внести существенные дополнения и поправки к результатам предыдущих исследований. Материалы предыдущих археологических исследований используются только в качестве подтверждений и обобщающих выводов.

Территориальные границы исследования. Основная тематика работы ограничена одним объектом исследований – городищем Мангазея, расположенным на северо-востоке Западной Сибири, в среднем течении реки Таз, на территории Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. Однако сравнительный анализ охватывает исследованные памятники, расположенные в средней и северной части Западной Сибири и на Крайнем Севере Восточной Европы. Наибольшее внимание уделялось области Обского Севера в границах Березовского и Мангазейского уездов XVII в. непашенной зоны, то есть территории к северу от Ханты-Мансийска и Сургута. По географическим характеристикам, это северная часть Западно-Сибирской равнины; в гидрографическом отношении, это – Нижнее Приобье с бассейнами рек Пур и Таз. В современном административном делении – северная часть Ханты-Мансийского автономного округа и Ямало-Ненецкий автономный округ Тюменской области.

Хронологические рамки. Город Мангазея, по историческим данным, существовал с 1601 до 1672 г. В работе используются материалы раскопа 2001–2004 гг. содержавшего остатки зданий, построенных в период с 1608 г. по 1637/38 гг. Поэтому хронологические рамки данной работы ограничиваются началом застройки посада – то есть первыми годами XVII в. (нижняя граница) и рубежом 30–40 гг. XVII в. столетия, когда существовали самые поздние раскопанные нами постройки. Этот период истории Мангазеи был временем процветания города, по сравнению с последующим десятилетием, когда начался период его заката.

Методология и методы исследования. В основе работы лежит методологический подход комплексного исследования обозначенной проблематики. В процессе ее источниковедческой разработки комплексные исследования заключались в анализе материалов археологических раскопок, письменных источников, данных этнографии, результатов палеоэкологических исследований, дендрохронологии, спектрального анализа неорганических материалов.

Методы исследования разделяются на три группы: 1. Исторические методы – сравнительно-исторический, ретроспективный, метод исторического моделирования. 2. Археологические методы – формально-типологический, стратиграфический; планиграфический. 3. Естественнонаучные методы – дендрохронологический, палеоэкологический, статистический, методы архитектурной реконструкции, спектрального анализа. Применение исторических методов в данной работе обусловлено наличием и использованием самых различных категорий исторических источников (архивных материалов, исторических публикаций, этнологических и археологических материалов). Археологические методы применялись в полевых исследованиях и при работе с археологическими предметами. Прекрасная сохранность разнообразных органических остатков позволила применить дендрохронологический и палеоэкологический методы. Для определения и подтверждения места изготовления керамики был применен метод спектрального анализа. В итоге исследование приобрело междисциплинарный характер, что положительным образом сказалось на достоверности его выводной части.

В исследовании археологических материалов Мангазеи мы опирались на фундаментальные работы по традиционной русской культуре и культуре поморов – русского населения Европейского Севера. Учитывался и первый опыт комплексного подхода к исследованию города Мангазеи, примененного М.И. Беловым, О.В. Овсянниковым и В.Ф. Старковым.

Источники. Работа базируется на трех группах источников – письменных, этнографических, археологических. В процессе изучения привлекались опубликованные в разное время документы, скопированные Г-Ф. Миллером и хранящиеся в СПб филиале Архива РАН и фонде Сибирского приказа в РГАДА.

Этнографические источники представлены публикациями результатов этнологических исследований среди русского населения европейского Севера, Сибири, аборигенных народов Севера Западной Сибири, этнографическими очерками путешественников и политических ссыльных, авторскими полевыми материалами экспедиционных исследований среди коренного населения. В отличие от южных районов Сибири и Европейского Севера целевые этнологические исследования русского старожильческого населения на Крайнем Севере Сибири единичны.

Основным археологическим источником являются материалы, полученные при раскопках городища Мангазея, которые составили источниковую базу исследования. Наряду с данными новейших раскопок привлечены материалы предшественников. Кроме того, для сравнения и поиска аналогий привлекались археологические материалы раскопок русских поселений Западной Сибири, Европейского Севера, Арктики (Верхотурья, Томска, Архангельска, Пустозерска, стоянок на острове Фаддея и на побережье залива Симса, архипелаге Шпицберген и др.).

Научная новизна исследования. Археологические исследования на городище Мангазея проводятся под руководством автора диссертации на протяжении семи лет (1999–2005). Впервые проведены комплексные исследования на единственном полностью раскопанном участке культурного слоя города Мангазеи, на основании чего были внесены существенные коррективы в планиграфию и стратиграфию объектов предыдущих раскопок этой части города. По результатам работ была предложена новая реконструкция исследованных построек.

Впервые при раскопках и последующей кабинетной обработке проведена полная статистика находок Мангазеи, которая заставила пересмотреть некоторые выводы предшественников. Тщательная фиксация находок выявила следы проведенных ритуальных действий, имеющих параллели в этнографических материалах. Описаны новые категории вещей, выявлены новые типы предметов. На исследованном участке впервые использованы разнообразное палеоэкологические методы и метод спектрального анализа находок, ранее не применявшиеся при исследовании Мангазеи и многих других русских городов. Результаты применения этих методов дали основания для ряда новых выводов о быте и хозяйстве жителей города.

В работе впервые вводятся в научный оборот материалы этнологических исследований (в том числе и автора) в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, полученные среди русского, селькупского, ненецкого, хантыйского населения.

Практическая значимость исследования. Тема освоения Севера в Западной и Восточной Сибири не может обойтись без изучения Мангазеи. Материалы археологических исследований Мангазеи неоднократно использовались и будут использоваться в научных и учебных изданиях, особенно при характеристике хозяйства и быта первых русских поселений Крайнего Севера Сибири. В истории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Мангазея занимает значительное место. За последние годы в этих динамично развивающихся автономных округах появилось немало новых музеев, которые испытывают острую нехватку экспозиционных материалов, особенно по истории периода русского освоения края. Археологические коллекции, собранные при раскопках Мангазеи, по численности и разнообразию значительно превышают коллекции предметов XVII в., полученные при масштабных раскопках подобных городов – Томска и Верхотурья. Они составят представительную коллекцию в окружном музее ЯНАО и краеведческом музее Красноселькупского района. Классификация, типология и определение археологических предметов, выполненные в настоящей работе, будут использованы для создания музейных экспозиций, а также при описании археологических коллекций других памятников в музеях и научных учреждениях. Резуль-

таты исследования могут быть использованы при разработке общих и специальных курсов по истории России и Сибири в системе высшего образования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации уже стали темами научных докладов на 13-ти научных региональных, краевых, всероссийских и международных конференциях: в Тобольске (III Сибирский симпозиум – 2000; VII Западно-Сибирский симпозиум – 2004); Ханты-Мансийске (I Международный Северный археологический конгресс – 2002, II Международный Северный археологический конгресс – 2006); Салехарде (научно-практические конференции – 2002, 2003, 2004, 2005); Санкт-Петербурге (заседание сектора славяно-финской археологии ИИМК РАН – 2004, 2006); Омске (II Урало-Сибирская конференция «Культура русских в археологических исследованиях» – 2005); Томске (XIII Западно-Сибирская археолого-этнографическая конференция – 2005); Тюмени (XVII Всероссийская научно-практическая краеведческая конференция «Словцовские чтения» – 2005).

С 2005 г. Департаментом информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа организованы научные работы по написанию фундаментальной монографии «История Ямала» в 4-х томах, в которую войдут и результаты настоящих исследований.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников, списка сокращений, приложений. Приложения вынесены в отдельный том и представлены в семи разделах.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, объект и предмет исследования, цели и задачи работы, определяются хронологические рамки и территориальные границы, кратко характеризуются группы источников и основные методы исследований. Обосновываются научная новизна и практическая значимость исследования.

Глава 1 «Историография и источники». Состоит из трех параграфов и посвящена истории изучения объекта исследования и характеристике источников.

Первый параграф содержит характеристику основных исторических трудов, имеющих отношение к истории Мангазеи. Это первый историографический очерк об этом городе. Выделяются две линии в историографии: история изучения заполярного города, основанная на сохранившихся письменных источниках, и история археологического исследования Мангазеи.

Впервые к изучению Мангазеи обратился историк XVIII в. Г.-Ф. Миллер. Его известный труд «История Сибири» был основан на огромном комплексе документов, которые ученый собрал и скопировал в местных архивах во время поездки по Сибири в 1733–1743 гг. [*Миллер Г.-Ф. История Сибири. Т. 1. – М., 1999; – Т. 2. М., 2000. – 796с.*].

После изысканий Г.-Ф. Миллера Мангазея была надолго «заброшена» в историографии Сибири. Появившиеся в XIX в. обобщающие работы по истории Сибири П.А. Словцова и И.В. Щеглова были основаны на уже опубликованных источниках и трудах Г.-Ф. Миллера; ничего нового для воссоздания истории уни-

кального заполярного города они не внесли. Исключение составляют оригинальные работы известного западносибирского краеведа Н.А. Абрамова, в том числе его статья о святом мученике Василии Мангазейском [*Абрамов Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. – Тюмень, 1998. – 527 с.*].

Нельзя не отметить опубликованную в 1880-е гг. серию статей А.В. Оксенова. Продолжая его работы, в 1890 и 1903 гг. Д.Н. Анучин опубликовал две статьи историко-географического характера. В них он развил мысль Г.-Ф. Миллера о том, что географическая область «Молганзея» была известна русским людям задолго до основания города на Тазе, который и воспринял более старое название [*Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Труды Московского Археологического общества. 1890. Т. XIV. – С. 227–313; он же Город Мангазея и Мунгазейская земля // Географические работы. – М., 1954. – С. 143–152*].

В конце XIX в. к изучению вопросов первоначальной русской колонизации Сибири обратился П.Н. Буцинский, опубликовавший в 1883 г. первую в историографии специальную работу о Мангазее. П.Н. Буцинский обратился к архивным материалам Сибирского приказа. Это позволило ему создать научно значимый очерк о жизни Мангазеи первой половины XVII в., в котором он убедительно доказал, что город был заложен в 1601 г. Ученый также уделил внимание истории Мангазейского морского хода [*Буцинский П.Н. Мангазея и Мангазейский уезд // Мангазея, Суруут, Нарым и Кетск. Соч. в двух томах. – Тюмень, 1999. Т. 2. С. 5–78*].

Существенный вклад в изучение проблем истории Сибири внес С.В. Бахрушин, чье многогранное научное творчество представляет целый этап в отечественном сибирьеведении. Им создана достаточно полная панорама своеобразной жизни Мангазеи, в которой нашли отражение сведения о городских постройках Мангазеи, их взаимном расположении, о составе жителей Мангазеи. Большую ценность для археологов представляет его статья о снаряжении русских промышленников [*Бахрушин С.В. Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.- М., 1951. – С. 85–92; он же Научные труды. – М., 1955. Т. III. Ч. 1. – 376 с.*].

Особая линия в изучении Мангазеи связана с таким направлением историографии, как история географических открытий в Сибири. В 1940–1950-е гг. появились труды В.Ю. Визе, К.С. Бадигина, М.И. Белова, в которых плавания поморов в Мангазее рассмотрены в широком контексте исторического опыта русского мореплавания в Северном Ледовитом океане [*Белов М.И. Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания в XVII в. Л.-М, 1951. – С. 41–52*].

М.И. Белов, занимаясь историей географических открытий, неоднократно возвращался к «мангазейской» теме. Его статья об открытии русскими Таймырского полуострова органично дополнила выводы С.В. Бахрушина о большом значении Мангазеи в организации экспедиций по Северу Сибири [*Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. – М., 1956. – 220с.*].

В 1960 г. появилась фундаментальная монография Б.О. Долгих, в которой на основе анализа ясных книг рассмотрен родовой и количественный состав аборигенов Березовского и Мангазейского уездов – фактически всей территории

Севера Западной Сибири [Долгих О.Б. *Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 40. – М., 1960. – 621 с.*].

Работы С.В. Бахрушина о русском промысловом населении Мангазейского уезда были продолжены В.А. Александровым и П.Н. Павловым [Александров В.А. *Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край), 1964 302 с.*]. П.Н. Павлов, продолжая исследования В.А. Александрова, обратился к теме формирования (в более широких территориальных рамках) постоянного русского промыслового населения на Севере Сибири и попытался выяснить степень участия разных социальных слоев в пушном промысле [Павлов П.Н. *Пушной промысел в Сибири XVII в. – Красноярск, 1972. – 410 с.; он же Промысловая колонизация Сибири в XVII в. – Красноярск, 1974. – 238 с.*].

К началу 1960-х гг. история Мангазеи была довольно неплохо изучена по письменным источникам. Однако материальная культура первых колонистов Севера Западной Сибири и архитектура Мангазеи в письменных источниках оказались отражены весьма слабо. В связи с этим в конце 1960-х гг. сформировалась потребность комплексного исследования Мангазеи с привлечением археологии и этнографии. Попытка такого исследования Мангазеи с проведением масштабных археологических работ была предпринята в 1968 г. по инициативе и под руководством М.И. Белова при участии археологов О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова [Белов О.В. *Мангазея. – Л., 1969 – 128с.*]. В 1973 г. О.В. Овсянниковым была успешно защищена диссертация по теме «Мангазея – русский город в Сибири в XVII вв. (Историко-культурный очерк)». В 1980–1981 гг. учеными была опубликована широко известная монография в двух частях, посвященная Мангазее [Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. *Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. – Л., 1980. – 164с.; они же Мангазея. Материальная культура полярных мореходов и землепроходцев. Ч. 2. – М., 1981. – 147с.*]. Публикация этого комплексного научного исследования вызвала во многом заслуженное доверие со стороны научной общественности. К сожалению, при внимательном и непредвзятом чтении данной монографии все чаще выявляются неточности, неверные суждения, неправильная интерпретация документов.

О.Н. Вилков и Ю.В. Курсков отмечали, что М.И. Белов придает Мангазее черты большей феодальности, чем это было в действительности [Вилков О.Н., Курсков Ю.В. *Исследование о русском заполярном западносибирском городе Мангазее // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI – первой половины XIX века. – Новосибирск, 1987. С. 253-254*]. Не совсем верным является желание М.И. Белова представить Мангазею как феодальный русский город. Большие сомнения вызывает тезис о том, что Мангазея – город регулярной планировки. На наш взгляд, мало обоснована уверенность исследователя в том, что Мангазея возникла на месте уже существовавшего городка поморских промышленников.

После появления монографии М.И. Белова и его коллег научный интерес к истории Мангазеи снизился, хотя полностью не угасал никогда. В работах последних лет, том числе и В.Ф. Старкова, посвященных истории северорусского судостроения и арктическим плаваниям поморов, определенное внимание уделяется и Мангазее. Однако построения В.Ф. Старкова базируются на уже известных

ему и научной общественности материалах и никаких новых источников (археологических и письменных), связанных непосредственно с Мангазеей, не содержат. Так же можно оценить и новейшую монографию О.В. Овсянникова (в соавторстве с М.Э. Ясински), в которой глава о Мангазее занимает значительное место, но в целом повторяет предыдущие работы автора [Ясински М.Э., Овсянников О.В. *Пустозерск. Русский город в Арктике.* – СПб, 2003. – 400 с.].

В 1999 г. вышла статья А.В.Курбатова и О.В. Овсянникова, основное содержание которой посвящено изделиям кожевенного производства Мангазеи по результатам научной обработки предметов из раскопок 1968–1970, 1973 гг. Кроме того, в работе подвергнуты сомнению ряд выводов М.И. Белова [Курбатов А.В., Овсянников *Изделия кожевенного производства в городах русского Заполярья XVI–XVII вв. (Мангазее)* // *Археологические вести.* – СПб., 1999. № 6. – С. 245–271].

В последнее время к изучению судостроительной практики в Западной Сибири XVII в. обратился Е.В. Вершинин, которому удалось привлечь новый архивный материал из фондов РГАДА. Этот же исследователь рассмотрел взаимоотношения русской власти (воеводской администрации Березова и Мангазеи) и сибирских ненцев в XVII в., что позволило выявить степень реального сопротивления кочевых самоедов русскому присутствию в Северо-Западной Сибири [Вершинин Е.В. *Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д.Л. Овцына // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири».* – Тобольск–Омск, 2001а. – 96–99 с.; он же В.Е. *Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2.* – Новосибирск, 2003. – С. 5–21].

Таким образом, в историографии Мангазеи, основанной на письменных источниках, несколько условно можно выделить два направления: собственно историческое и историко-географическое. Представляется, что перспективнее дальнейшего археологического исследования Мангазеи необходимо связать с еще одним направлением – историко-этнографическим, нацеленным на изучение русского старожильческого населения полярных районов Сибири.

Во *втором параграфе* охарактеризовано содержание основных групп источников: письменных, этнографических, археологических.

Письменные источники в видовом отношении ограничены летописями и делопроизводственными документами приказного управления XVII в. Краткие сведения о Мангазее содержатся в созданном в конце XVII в. Сибирском летописном своде. Известие о промысловой экспедиции из Поморья на р. Таз на рубеже XVI–XVII вв. сохранил так называемый Пинежский летописец. Но основным источником является сохранившаяся документация учреждений управления: мангазейской съезжей (приказной) избы и Сибирского приказа.

Большое значение имеют фонд Г.-Ф. Миллера и документы, сохранившиеся в Сибирском приказе после пожара 1626 г. Это ясачные, окладные, таможенные книги и книги десятинного сбора; наказы мангазейским воеводам; переписка между приказом и воеводами; челобитные жителей Мангазеи и аборигенного населения. В 1951 г. появилась весьма ценная для исследователей публикация документов из фонда Сибирского приказа о плаваниях в Мангазее.

Следует отметить интересную находку Ю.М. Эскиным двух документов

о ранней истории Мангазеи (1608 и 1613 гг.) [Эскин Ю.М. *Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1986. – С. 44–54*]. Много интересных сведений о быте и настроениях жителей Мангазеи содержится в ранних редакциях «Жития Василия Мангазейского» опубликованных Е.К. Ромодановской [*Ромодановская Е.К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск, 1986. – С. 190–210; она же Житие Василия Мангазейского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. – Новосибирск, 2001. – С. 345–352*]. Несколько новых документов, в том числе о строительстве в 1672 г. укреплений Новой Мангазеи (Туруханска) были опубликованы в сборнике под редакцией Д.Я. Резуна [*Резун Д.Я. Очерки истории изучения сибирского города. XVIII век. – Новосибирск, 1991. – 208 с.*].

Соотнесение археологического материала с данными письменных источников требует большой осторожности, в противном случае – неизбежны ошибки. На одну такую ошибку указал Е.В. Вершинин, опубликовав архивный документ, который опровергает предложенную М.И. Беловым идентификацию двора мангазейского воеводы А.Ф. Палицына [*Вершинин Е.В. О соотнесении данных письменных источников и археологии при раскопках Мангазеи // Русские. Мат-лы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 14–18*].

Особый интерес для археологических исследований имеют архивные документы, содержащие описания городских построек, например воеводского двора, двора дьяка Обобурова, а также таможенные книги, содержащие перечень привозных товаров и др.

Результаты изучения этнографических источников демонстрируют неравномерность исследований по территориям. В сравнении с опубликованными обширными материалами по этнографии Севера европейской России, этнографические исследования русских старожилов Сибири выглядят значительно скромнее. При этом они в основном относятся к сельскохозяйственным районам региона. Север же почти не был охвачен поисками. Сравнительный анализ материальной культуры русских европейского Севера – с одной стороны, и ненцев, манси, ханты, селькупов – с другой, выявил немало общего в их материальной культуре. Причем многим предметам, имеющим сходные черты с русскими, этнографы необоснованно приписывали аборигенное происхождение. Первые научные этнографические сведения о русском заполярном населении были составлены участниками комплексной Великой Северной экспедиции 1730–1741 гг. Х.П. Лаптевым, С.П. Крашенинниковым.

В конце XIX – начале XX вв. в Сибири, как и во всей России, были широко распространены экономико-географические исследования (С.К. Патканов, А.А. Дунин-Горкавич, Н.М. Ядринцев). К категории этнографических источников можно отнести описательные сочинения, сделанные политическими ссыльными – С.П. Швецовым и В.В. Бартевым.

В начале 20-х годов XX в. В.Г. Богораз предложил начать этнографические исследования русского населения в Приполярных районах от устья Печоры до Колымы. Это предложение было реализовано в 1928 г. работами этнографического отряда Д.Д. Травина в устье Индигирки.

В диссертации использовались этнографические источники по русскому населению юга Западной Сибири. Отметим, что их привлечение допустимо с большой долей условности, в силу существенных отличий хозяйства и быта южного земледельческого населения от северного промыслового.

Важным этнографическим источником явились для нас материалы исследований европейского Севера России. В отличие от Севера Сибири, на европейском Севере русское население изучалось в течение XIX–XX вв. В советский период экспедиционные этнографические работы наиболее интенсивно проводились в 1950–1960-е гг. Государственным историческим музеем, Московским и Ленинградским университетами, Институтом этнографии АН СССР. Среди результатов этих исследований наиболее значимы издания: «Русские. Историко-этнографический атлас» (М., 1967), «Этнография восточных славян» (М., 1986), «Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX веков» (М., 2004), «Культура русских поморов» (М., 2005).

Особо отметим этнографические материалы сопредельной территории – Приуралья (Прикамья и Припечорья). Здесь исследования русского населения также велись в XIX–XX вв. Наиболее активно этнографические экспедиции проводились в 50-е и 70–80-е гг. XX в. Результаты исследований опубликованы в коллективной монографии «На путях из Земли Пермской в Сибирь. Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII–XX вв.» (М., 1989).

При анализе археологических источников в настоящей работе, помимо широко известных этнографических материалов, в качестве аналогий использованы собственные данные, собранные автором настоящего исследования в поездках к тазовским селькупам, ямальским и надымским ненцам, юганским, салымским, ваховским хантам, русским старожилам Среднего Приобья.

Основополагающим источником является объект археологического изучения – город Мангазья. Источниковая база исследования – участок раскопанного поселения с остатками 11-ти жилищ и 3-х хозяйственных построек.

Археологические источники по русской археологии XVII в. – периода существования Мангазеи – немногочисленны, особенно в Западной Сибири. Ближайшим по расстоянию и культурной принадлежности археологическим памятником является Старотуруханск, расположенный в 250 км к юго-востоку от Мангазеи. Наиболее северными памятниками, где осуществлялись полевые исследования, являются Юильский (Казымский) острог XVIII в. и Ляпинский острог XVII–XVIII вв. Однако в материалах этих памятников очень мало находок и почти полностью отсутствует керамика [Курилов В.Н., Майничева А.Ю. Крепость и храм. – Новосибирск, 2003. – 96]. Значительно южнее, на севере земледельческой зоны Зауралья наиболее исследованы раскопками Лозьвинский городок [Косарев М.Ф. Отчеты об археологических разведках, произведенных лозьвинским отрядом Западно-Сибирской экспедиции Института археологии АН СССР. – Архив ИА РАН, Р-1, д. 2053; Пархимович С.Г. Некоторые итоги изучения памятников русской колонизации Восточного Урала и Западной Сибири (XVI–XVII вв.) // Проблемы уралосибирской археологии. – Свердловск, 1986. – (ВАУ. Вып. 18). – С. 138–143] и город Верхотурье [Корчагин П.А. Комплексные историко-архитектурные исследования КАЭ ПГУ в Верхотурье // Археологические и исторические исследования г. Верхотурья. – Екатеринбург, 1998. – С. 67–80]. Среди других археологических источ-

ников Западной Сибири XVII в. необходимо отметить исследования города Тобольска [Адамов А.А. *Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. – Тобольск–Омск, 2000. – С. 450–453] и Карачина городка [Пархимович С.Г. *Раскопки Лозьвинского и Карачинского городков*. – Свердловск, 1983, АКА УрГУ. Ф. II, д. 386], расположенных у южной границы таежной зоны.

Первоначальное заселение Крайнего Севера Сибири происходило с европейского Севера, поэтому материалы археологических исследований русских поселений на Крайнем Севере европейской части России являются для нас важным источником. Наиболее близок Мангазее по месту нахождения и ландшафтно-климатической зоне город Пустозерск. Оба этих города являлись местом базирования и перехода в другую географическую область: Пустозерск – в Западную Сибирь, Мангазее – в Восточную Сибирь. Наиболее крупными городами Поморья, в которых проводились археологические исследования культурного слоя XVII в., являются Холмогоры и Архангельск [Ясински М.Э., Овсянников О.В. *Взгляд на Европейскую Арктику. Архангельский Север: проблемы и источники*. – СПб., 1998. Т. I. – 464 с., Т. II. – 432 с.; они же *Пустозерск. Русский город в Арктике*. – СПб, 2003. – 400 с.]. При раскопках на Холмогорах была собрана коллекция предметов, многие из которых имеют аналоги с предметами из раскопок Мангазеи.

Среди археологических источников нельзя не отметить важные для исследований Мангазеи материалы со стоянок и станов, связанных с освоением новых путей и с промыслами в Арктике: место зимовки на берегу залива Симса и стан на острове Фаддея, стоянки и зимовья на архипелаге Шпицберген (В.Ф. Старков, М.Е. Ясински, К. Пенкала), находки на Новой Земле и острове Вайгач [Старков В.Ф. *Очерки истории освоения Арктики. Т. 2: Россия и северо-восточный проход*. – М., 2001. – 116 с.]

К источникам по русской археологии этого времени можно отнести материалы раскопок в приполярной зоне Западной Сибири городков – центров территориальных аборигенных общин. В материалах раскопок последних лет Надымского, Обдорского (Носового), Войкарского городков найдено немало вещей, подтверждающих русское влияние на аборигенное население.

Третий параграф посвящен истории археологических исследований Мангазеи. В разделе дается описание и характеристика трех этапов археологических исследований памятника. Первый этап (1735–1947 гг.) – характеризуется рекогносцировочным характером исследований. Первоначально осмотр и обследование Мангазеи осуществлялись изыскателями, путешественниками, натуралистами, среди которых не было профессиональных археологов. Первым, кто побывал в 1735 г. на Мангазее, был ученик геодезии Федор Прянишников. Далее городище посетили: в 1863 г. начальник экспедиции красноярского промышленника М.К. Сидорова обдорский заседатель Ю.И. Кушелевский [*Кушелевский Ю.И. Путевые записки, веденные во время экспедиции 1862, 1863, 1864 гг.* – Тобольск, 1864. – 66 с.]; в 1899–1900 гг. – путешественник от Императорского русского географического общества (ИРГО) В.О. Маркграф; в 1914 г. – биолог из Омска И.Н. Шухов во время проведения Таз-Тунгусской экспедиции [Шухов И.Н. *Общий обзор бассейна реки Таза*. – Ачинск. 1915. – 43 с.]; в 1926–1927 гг. – Р.Е. Кольс во

время работ Тазовской экспедиции государственного Русского географического общества [Кольс Р.Е. *Река Таз (Тасу-ям)*. – Л., 1930. – 32 с.]. Этими исследователями были составлены карты р. Таз с обозначением Мангазеи, описано место памятника и даже были сделаны попытки раскопок.

Собственно археологические исследования города Мангазеи были начаты в 1946 г. Мангазейской экспедицией Ленинградского арктического научно-исследовательского института (ЛАНИИ) под руководством В.Н. Чернецова. Исследователь собрал подъемный материал в обрыве берега, обследовал окрестности, снял ситуационный план местности и топографический план памятника [Чернецов В.Н. *О работах мангазейской экспедиции. КСИИМК. 1947. Вып. XXI*. – С. 159–162].

Второй этап характеризуется широкомасштабными стационарными археологическими раскопками, проведенными на памятнике в 1968–1970, 1973 гг. ААНИИ под руководством д.и.н. М.И. Белова. Археологическими исследованиями руководили О.В. Овсянников (1968 и 1969 гг.) и к.и.н. В.Ф. Старков (1970 и 1973 гг.). В течение четырех полевых сезонов экспедицией на всей территории памятника были заложены 24 раскопа общей площадью 15 000 кв. м [Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. *Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1*. – Л., 1980. С. 8–9, они же Мангазея. *Материальная культура полярных мореходов и землепроходцев. Ч. 2*. – М., 1981. – С. 12]. Экспедиция получила статус комплексной, в ее работе широко использовались письменные источники, применялись естественнонаучные методы. Особо результативным оказался метод дендрохронологического анализа. Результаты исследований нашли отражение в двухтомной монографии; на основании раскопок сделаны графическая и объемная реконструкции города (кремля и посада).

Третий этап включает археологические исследования последних лет, проводимые экспедицией Центра историко-культурного наследия под руководством автора данной работы. В 1999–2000 гг. было произведено обследование памятника, в результате которого в старых раскопах был выявлен неисследованный культурный слой, размываемый рекой [Визгалов Г.П. *Мангазея: состояние памятника и перспективы изучения русской материальной культуры XVII века в Сибири // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири»*. – Тобольск–Омск. 2000. – С. 357–358]. В 2001 г. экспедицией снят новый инструментальный топографический план памятника

В 2001–2004 гг. проводились комплексные археологические раскопки на участке раскопа ААНИИ 1973 г. За четыре полевых сезона удалось раскопать до материка культурный слой на площади 259 кв. м. Всего раскопками полностью исследованы восемь построек и частично расчищены остатки еще пяти. Все раскопанные постройки относятся к первой половине XVII в., пять из них датируются первой третью XVII в. В недокопанном ранее слое найдено 10 833 предмета. В настоящее время это единственный участок города, изученный полностью, с достаточно информативной стратиграфией, планиграфией и статистикой находок. Результаты работ на этом участке легли в основу настоящего исследования.

В работе приняли участие специалисты из многих учреждений – Института экологии растений и животных УрО РАН, Института истории и археологии УрО

РАН, Уральской государственной архитектурно-художественной академии, Тюменского областного краеведческого музея, Сургутского государственного пединститута, ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология».

Мерзлотный культурный слой Мангазеи содержит разнообразную информацию, поэтому комплексное изучение культурного слоя на современном уровне предполагает использование ряда специальных методов исследования. В наших исследованиях были применены: дендрохронологический, археозоологический, палеоэнтомологический, палинологический, паразитологический и палеоботанический методы.

Таким образом, как показали результаты новейших исследований, источниковый потенциал города Мангазеи как археологического памятника далеко не исчерпан. Археологические раскопки 2001–2004 гг. уже дали огромный по количеству и разнообразию материал, требующий систематизации и осмысления.

Глава 2 «Топография Мангазеи как отражение функций русского северного города» состоит из трех параграфов и содержит результаты изучения ландшафтно-географических характеристик местности, натурного обследования территории памятника, историко-архитектурных исследований.

Первый параграф содержит характеристику ландшафтно-климатических условий и этнической ситуации в настоящее время, а также в период возникновения и существования заполярного русского города. По геолого-географической принадлежности Мангазея расположена в средней части Тазовской низменности, в северо-восточной части Западно-Сибирской равнины. Климат – континентальный и холодный, характеризуется большой разницей летних и зимних температур, низкой средней годовой температурой. Главная река – Таз течет с юга, с Верхне-тазовской возвышенности на север, где впадает в Тазовскую губу. Территория изобилует болотами и озёрами. По ландшафтной характеристике памятник находится в зоне северных редколесий, переходящих в южную лесотундру. Животный мир – типичный для региона. Особую ценность имеют рыбные ресурсы, представленные в бассейне реки Таз 22-мя видами, из которых 18 имеют промысловое значение [*Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. – Омск, 2004. – 123-125; Бакулин В.В., Зенько А.П., Козин В.В., Солодовников А.Ю., Фролов Н.К., Щеглов К.Ф. В краю селькупов. – Екатеринбург, 2000. – С. 18-27с.*].

Население близлежащей территории менялось по своему этническому составу на протяжении 300 лет. К началу XVII в. окрестности города Мангазеи были границей проживания родов тундровых и лесных энцев. В середине XVII в. в верховья Таза проникли селькупы, вступившие в войну с энцами [*Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. // Труды института этнографии. Новая серия. Т. 40. – М., 1960. – 134-136; Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург, 1995. С-118*]. Из-за поражения в войне с селькупам и под давлением с запада ненцев, энцы были вытеснены на Енисей и частично ассимилированы ненцами. Возможно, что закрепиться в бассейне Таза селькупам помогли русские в противовес ненцам – пуровской юракской самояды, которые периодически совершали нападения на промышленников, санные поезда и корабли-кочи. От русского населения XVII в. сохранились названия некоторых рек.

Изучение места расположения Мангазеи позволяет выявить причины появления здесь такого населенного пункта, как город. Осмотр территории вдоль русла р. Таз показал, что места, обладающие сходными топографическими признаками, на данной реке встречаются, а некоторые из них являются даже более удобными для основания города. Несомненно, что на выбор места расположения повлиял фактор расселения аборигенных племен. Как и сейчас, в XVI–XVII вв. эта местность была пограничной между территориями обитания тундровых и лесных самодийских субэтносов. Пограничная зона была более спокойной и удобной для проживания и сбора ясака. Таким образом, Мангазея расположена в переходной зоне между лесными и тундровыми ландшафтами, тундровым и лесным населением.

Второй параграф посвящен характеристике планировочной структуры города Мангазеи и его окрестностей. В нем приведены результаты натурных и камеральных исследований территории города, рассмотрены условия его основания и функционирования. Выбор места под строительство острога и города в устье Осетровки был не самым удачным, что можно объяснить только поспешностью князей Мирона Шиховского и Данилы Хрипунова во время их трудного зимнего похода. Это еще раз ставит под сомнение факт существования здесь поселения поморов в конце XVI в.

Самый большой и ближайший приток Таза – р. Панча занимала важное место в рыболовном промысле жителей города и возможно использовалась как место дополнительного затона. Именно к ней вела древняя дорога из Мангазеи, следы которой и сегодня различимы среди тундровой растительности. Город не только не имел острожной стены вокруг посада (как другие города Сибири этого времени – Тобольск, Сургут, Березов), но и был очень уязвимым со стороны высокого противоположного берега Осетровки. Утверждения М.И. Белова о нападениях и поджоге города ненцами, об осадах города не имеют оснований. Сомнительна и предполагаемая исследователем причина оставления Мангазеи – «угроза повсеместного восстания тазовских племен» [Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. – Л., 1980 – С. 32, 83, 89-91]. Сведения в архивных источниках об осадах, поджоге города и восстании не известны, и, по нашему мнению, такой опасности для города не существовало.

Одним из важных и нерешенных вопросов, имеющих отношение к общему плану города, остается местонахождение городского кладбища. Его не удалось найти ни нам, ни нашим предшественникам. Что же касается внутренней планировки города, то на сегодняшнем этапе исследования Мангазеи можно с уверенностью согласиться лишь с идентификацией мест расположения кремля с башнями, Троицкого Знаменского храма, церковью Макария Желтоводского и Успения, которые были определены М.И. Беловым и О.В. Овсянниковым по результатам раскопок и архивным документам. Достоверно же пока можно выделить только *функциональные зоны*: кремль, культовые постройки (церкви и часовня), зону плотной жилой застройки на посаде, малозастроенную зону на посаде, пустырь около церкви Успения (кладбище?), отдельную часть посада за Радужным ложком, зону пристаней, взвоз по Радужному ложку. В целом Мангазея как город Крайнего Севера отличается от городов земледельческой полосы Сибири более плотной

застройкой, что связано с отсутствием у горожан огородов и малым количеством скота.

Третий параграф посвящен реконструкции построек Мангазейского посада по материалам археологических исследований. Остатки деревянных построек XVI–XVII вв. большинства русских городов изучены значительно хуже, чем постройки более ранних периодов из-за плохой сохранности поздних слоев на большинстве памятников. В Западной Сибири раскопано незначительно количество построек конца XVI–XVII вв. в Верхотурье, Томске, Лозьвинском городке, Юильском (Казымском) остроге, Карачинском городке. В связи с этим большое значение имеют материалы Мангазеи. Новыми раскопками исследованы остатки 13-ти построек, из которых семь попали в раскоп полностью. Для научной реконструкции использовались пять построек, которые были лишь частично нарушены раскопками 1968–1973 гг. Из семи построек одна является хозяйственной (склад, а позднее поварня), одна – баней, остальные пять – жилыми избами. Наиболее ранними являются изба 2 и амбар из кочевых досок (№ 13), почти примыкающие смежными углами друг к другу. Позднее была построена постройка 1а. На третьем этапе застройки изба 1а была перестроена в избу 1 и построены изба 3 и хлев 8. На четвертом этапе застройки на руинах построек первого–третьего этапов были сооружены новые здания: постройки 4, 6, изба 5, баня 7. Все жилые постройки реконструируются нами как двухкамерные жилища, состоящие из сруба и срубных сеней (лишь у постройки 1 сенями служил крытый двор, отгороженный перегородкой в технике замета). Постройки 1 и 2 были поставлены вплотную, и, конечно, могли иметь единую крышу, но вряд ли были связаны между собой переходом – следов дверных проемов нет ни в венцах, ни в сенях. Конечно, в Мангазее были и трехчастные, и двухэтажные постройки, но по письменным источникам они были на воеводском дворе и во дворе дьяка. Большинство же строений, скорее всего, были небольшими и одноэтажными [Визгалов Г.П. *Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. – С. 97–105*]. По результатам наших исследований, нет никаких оснований соотносить эту группу построек с двором таможенного головы, как это было сделано предшественниками. По ассортименту и количеству находок эти постройки можно отнести к жилищам ремесленников или к игорным местам. Соотнесение археологических данных с историческими фактами возможно лишь после тщательных раскопок на гораздо более значительной площади.

Поздние жилища в Мангазее стали утепляться с помощью сооружения широких завалинок. Примечательно, что ранняя постройка 2 не имела завалинки, а в более поздних постройках были устроены бревенчатые завалинки, заполненные песком и кирпичами из разобранных печей. Срубы всех построек сделаны добротно, сохранившиеся чаши очень технично вырублены, бревна плотно подогнаны друг к другу продольными пазами. Если бревно было неровное (в лесотундре сложно найти большие прямоствольные деревья), то венцы выравнивались за счет различной ширины продольного паза и противоположной направленности комлевой части бревен в разных венцах. На всех сохранившихся бревнах продольный паз расположен в верхней части бревна.

При реконструкции русских строений Сибири исследователи, как правило, ищут аналоги в русской деревянной архитектуре европейского Севера, аргументируя это тем, что заселение Севера Сибири шло из этих территорий. Однако использование прямых аналогий здесь вряд ли правомерно, учитывая разницу в природно-климатических условиях. Из-за сильной заболоченности хвойные деревья Крайнего Севера Западной Сибири значительно уступают в бонитетности деревьям лесов в бассейнах Северной Двины, Печоры и даже Енисея. Еще В.А. Александров справедливо полагал, что город испытывал недостаток в лесе [Александров В.А. *Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край)*, 1964. С. 168]. Необходимо также учесть, что для отопления жилищ в течение 9 месяцев нужно большое количество леса. Важно учитывать и поправку на более холодные, чем сейчас климатические условия XVII в. Положение Мангазеи осложнялось еще и тем, что в городе было очень мало лошадей и вообще тягловой силы. Все это затрудняло строительство больших и высоких построек. Поэтому и печи здесь топили преимущественно по-черному с целью сохранения тепла и экономии дров.

Сходство северорусского и сибирского жилищ лучше всего прослеживается в более южных городах Сибири – Верхотурье, Пельме, Тюмени, Тобольске, Томске, Енисейске, где хорошо развито коневодство и в изобилии имеется отличный строевой лес. По размерам и конструктивной сложности хоромы в приполярной зоне Сибири всегда были скромными.

Глава 3 «Хозяйство, быт и верования населения Мангазеи» состоит из трех параграфов, в которых, в соответствии с разработанной типологией археологических предметов систематизированы результаты комплексных исследований памятника.

На сравнительно небольшой раскопанной площади найдены 10 083 предмета (без учета около 2 000 мелких фрагментов стенок керамической посуды и 16 000 обрезков кожи), составляющих очень разнообразный ассортимент. В коллекции представлены неизвестные по монографии М.И. Белова и соавторов категории артефактов: тканые, вязаные, войлочные и восковые изделия; малоизвестные виды находок – детские игрушки, орнаментированные изделия из бересты, детали охотничьих ловушек, мерные палочки («линейки»), берестяные вкладыши в обувь; деревянные ножи, кочедыки, колодки стружков, весла, металлические и стеклянные пуговицы и др.

По материалу, из которого они изготовлены, предметы делятся на 15 групп: из дерева – 895, кожи – 2270, бересты – 464, ткани – 892, вязаные из шерсти – 52, войлока – 29, кости и рога – 235, воска – 11, китового уса – 6, цветных и драгоценных металлов – 332, стекла – 507, румяна – 4, керамики – 2460, камня – 251, железа – 1675. Описание материала приводится по разделам, в которых он сгруппирован по основным направлениям деятельности: хозяйству, домашним занятиям, а также по видам ремесел, различая изделия привозного и местного производства. Для статистики использованы артефакты, выявленные при раскопках в 2000–2004 гг., без учёта материалов раскопок 1970 и 1973 гг.

Первый параграф посвящен хозяйству мангазейцев и состоит из пяти частей, характеризующих отдельные отрасли хозяйства и ремесла. Уже после первых археологических исследований, проведенных В.Н. Чернецовым, стало ясно, что

Мангазея действительно большой город с мощным культурным слоем, насыщенным разнообразными находками, жители которого занимались различными видами хозяйства и промыслами [*Чернецов В.Н. О работах мангазейской экспедиции. КСИИМК. 1947. Вып. XXI. – С. 159-162.*]

В первом разделе первого параграфа приводится характеристика охотничьего промысла по вещественным материалам (среди них – сторожки, планки сторожевого лука и ручного лука, лопасть капкана, детали черкана, наконечники стрел, в том числе томары, распялки) и по результатам анализа костей и фрагментов шкур. Выяснилось, что жители города изготавливали орудия для пассивных способов охоты: сторожевой лук, деревянные капканы типа клепцов и черканов. Малочисленность находок костей животных, добываемых ради пушнины, небольшое количество распялок для шкур дает основание утверждать, что население, постоянно проживающее в городе, не занималось специализированной пушной охотой. Охотничий промысел горожан был направлен на добычу пищи, то есть на зайца и куропатку, меньше – на оленя, глухаря, водоплавающую дичь. Редко добывался лось, еще реже – медведь, россомаха и волк.

Во втором разделе первого параграфа характеризуется рыболовство по находкам деревянных поплавков, грузил, игл и шаблонов для вязания сетей, остроги, железных крючков, блесен, остатков от плетеной ловушки типа морды или садка, деревянных ножей для снятия чешуи. Определения показали, что собранные в слое кости и чешуя, принадлежали 11-ти видам рыб из 6-ти семейств. Такое разнообразие видов объясняется тем, что рыбу ловили в разных водоемах и в разное время года. Большое количество останков полупроходных рыб: сиговых, осетра, нельмы свидетельствует о том, что в период хода этих рыб в верховья Таза на нерест – в августе-сентябре – проводился их интенсивный, а, скорее всего, специализированный лов. Рыболовство играло важную роль в обеспечении населения продуктами питания. Жители Мангазеи использовали все известные орудия лова – удилища с крючками, блесны для ловли щук и нельмы, самоловы для осетров, жерлицы для щук и налимов, ставные сети для ловли в озёрах и в устьях речек, сплавные сети и неводы для ловли на песках, морды или верши для зимней ловли запорами на речках-живунах. Возможно, что существовал профессиональный отлов осетровых и сиговых. Найдены орудия (крючки-самоловы) для ловли осетровых в ямах – местах их зимнего скопления.

Постоянное население Мангазеи рыболовством занималось гораздо больше, чем охотой. Рыба добывалась не только для собственного питания, но и, скорее всего, шла на корм свиньям, коровам и курицам, которых разводили в городе, а также заготавливалась для корма промысловых и ездовых собак и даже оленей. Можно с уверенностью предполагать, что одним из занятий постоянных жителей Мангазеи были заготовка рыбы и изготовление продуктов из нее (порсы, юрка, рыбьего жира, осетрового клея) для продажи промышленникам.

Третий раздел первого параграфа посвящен животноводству. Несмотря на суровый климат Западно-Сибирского Заполярья, в Мангазее содержали и разводили домашних животных. При этом Мангазея XVII в. является пока самым северным известным поселением, жители которого занимались свиноводством, разведением крупного рогатого скота и птицеводством. Судя по костным остаткам, основным объектом разведения являлась свинья, которую вполне можно было

прокормить рыбой. Разведение крупного рогатого скота в Мангазее требовало гораздо больших трудовых затрат, поэтому, судя по костным останкам, им занимались меньше. Важное значение в животноводстве имели привозные корма – в культурном слое найдены зерна кормового овса и проса. Свинья была завезена в Мангазею сразу после основания и разводилась здесь на протяжении всего времени существования города. В летнее время животные могли кормиться внутренностями рыбы и птицы, добытой жителями, а также – пойменной растительностью в окрестностях города. Крупный рогатый скот тоже использовали на мясо, но основное его назначение – получение молочной продукции. Чтобы оправдать затраты на содержание, постоянные жители Мангазеи, скорее всего, разводили коров не только для собственного обеспечения, но и для продажи молочной продукции промысловикам.

Северный олень занимает третье место среди домашних животных по количеству костей, собранных в культурном слое. Костные останки пока не позволяют отличать домашних особей от диких. Скорее всего, олени приводились местным населением на продажу. Горожане не могли содержать около города большое собственное стадо, так как занятие оленеводством на Крайнем Севере требует постоянной смены пастбищ и, соответственно, кочевого образа жизни. Конечно, жители города пользовались оленьим транспортом; некоторые из них даже могли быть собственниками какого-то количества оленей, но эти олени паслись в стадах, с которыми кочевали энецкие и ненецкие семьи. В случае необходимости дальнейшей поездки или транспортировки грузов пастухи предоставляли упряжки собственнику оленей. Несколько оленей для упряжки могли содержаться в окрестностях, но разведение оленей в городе невозможно. Отсутствие оленеводства как самостоятельной отрасли подтверждается небольшим количеством оленьей упряжи и отсутствием находок деталей оленьей нарты. Все детали, найденные в наших раскопках и в раскопках предыдущих исследователей, относятся к собачьей или ручной нарте.

При раскопках 2001–2004 гг. было найдено лишь две кости лошади от вполне взрослых особей. Факт использования лошади подтверждают находки конской сбруи, седла, луки седла и костяной пластины от седла из раскопок 1968–1970, 1973 гг. [Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. – Л., 1980. – С. 42]. Эти находки указывают на наличие лошадей в Мангазее, но они не позволяют даже приблизительно оценить их численность. В отличие от других домашних животных, лошади по русской традиции не употреблялись в пищу, но использовались до конца жизни как тягловая сила. Поэтому и закапывались на специальных скотомогильниках.

В городе содержали и разводили кур, что подтверждается остеологическими материалами и наличием небольшого курятника. Численность кур в городе вряд ли была большой. Их держали исключительно для получения яиц, которые были необходимы для приготовления культовой пищи – блинов, куличей, крашенных пасхальных яиц и т. п. Скорее всего, желание жителей города и приезжавших издалека промышленников иметь привычную праздничную пищу, хотя бы по большому празднику, оправдывало и окупало все затраты и трудности по содержанию кур.

Судя по найденным в раскопе костям, горожане держали собак и даже кошек. Собаки упоминаются в архивных документах как ловчие, то есть специализированные на охоту. Находки деталей собачьей упряжи в раскопках и деталей варт свидетельствуют об использовании собак в качестве тягловой силы. Как показали остеологические исследования, собаки в Мангазее были разных пород. Возможно, это объясняется тем, что собаки привозились из разных мест, а возможно, это свидетельствует о различной специализации пород: ездовых, охотничьих, пастушьих и сторожевых собаках. Интересна находка почти полного скелета кошки. Содержание кошек у горожан, скорее всего, имело два предназначения: во-первых, это привычное домашнее животное в русском доме «для души», во-вторых, учитывая, что в городе имелись значительные запасы зерна и муки, кошки могли быть необходимы для ловли мышей.

В четвертом разделе третьего параграфа дается характеристика местным ремеслам: гончарному, металлообработке, кожевенному. Анализ материалов раскопок 1968–1973 гг. и 2000–2004 гг. недвусмысленно свидетельствует о существовании на мангазейском посаде достаточно развитых ремесленных производств, направленных на обеспечение нужд промысловиков. Этот бесспорный вывод до недавнего времени не был столь очевиден.

Так, исследователи 1960–1970-х гг. сделали вывод об отсутствии местного гончарного производства на основе кажущейся малочисленности мангазейской керамики [Овсянников О.В. *О керамике древней Мангазеи // Проблемы археологии Урала и Сибири.* – М., 1973а. – С. 269–272]. Раскопки 2001–2004 гг. показали достаточно большую насыщенность керамикой культурного слоя. Такое количество посуды, использовавшейся в городе, не могло быть полностью завезено из европейской России. Значительную часть ее жители должны были изготавливать на месте. В процессе исследования керамики были использованы технологический и морфологический методы. По функциональному назначению новая коллекция мангазейской керамики делится на три категории: кухонную, столовую и канцелярскую. Кухонная посуда представлена горшками с нагаром и сковородами, столовая – горшками без нагара и мисками, канцелярская – чернильницами. Проведенный спектральный полуколичественный анализ показал, что керамика была изготовлена в Мангазее из местного сырья. Очевидно, из европейской части России сюда завозили лишь нарядную столовую посуду, причем в небольшом количестве. Это подтверждается и отсутствием сведений о завозе керамики в таможенных книгах 1633 и 1635 гг.

О железоделательном производстве свидетельствуют многочисленные находки железных шлаков, а также находки в окрестностях города железной руды – лимонита. Возможно, местное железоделательное производство располагалось в посадской части Мангазеи и функционировало sporadически в течение небольшого периода. Остатки домниц ни нами, ни нашими предшественниками пока не обнаружены. Находки в раскопе пинцетов, тиглей для плавления цветного металла и двух связок ювелирных инструментов, аналогичных найденным в Пустозерске, позволяют говорить о существовании ювелирного дела.

В 2001–2004 гг. найдено немало предметов, свидетельствующих о кожевенном и портняжном ремесле. Это шилья, швейные и скоряжные иглы, обувные колодки, фрагменты кроя обуви и тысячи мелких обрезков кожи. Анализ находок

показал, что мангазейцы шили не только примитивные поршни, но и башмаки, за исключением сапог на высоком каблучке, явно привезенных. Кожа для изделий – свиная и коровья, хорошо выделанная и продубленная, была привозной. Самая распространенная разновидность кожаных изделий – обувь, представленная 867 предметами. Помимо нее, из кожаных изделий найдены рукавицы, ножны, футляры для компаса. Обнаружены и детали одежды: вязаные и тканевые рукавицы, вязаные носки, тесемки, опояски, оборки из тканей, стельки, большое количество лоскутов тканей. В город привозили ткани и шерстяные нитки; на месте – вязали и плели тесемки, носки, рукавицы. Некоторые ткани, как показали технологические исследования, изготовлены примитивным способом на вертикальном станке, который вполне мог использоваться в самом городе. Здесь же чинили и шили одежду, что подтверждается находками ножниц, иголок, наперстков, мелких и крупных обрезков тканей.

В раскопах 2001–2004 гг. собрано около 900 различных деревянных изделий, не считая деталей построек (бревен, досок, кольев, дверей), а также нагелей, заостренных палочек и неопределенных фрагментов. Дерево резали ножами, скобелями, специализированными резцами, сверлили буравчиками, лучковыми сверлами, долбили долотами и теслами с использованием киянок, раскалывали клиньями, пилили. При обработке дерева использовались ножи, сверла, топоры; в изготовлении древков стрел применялись мелкие стружки с деревянными и костяными колодками. Пилы или пилки при раскопках не найдены, хотя следы пропилов на деревянных изделиях встречаются часто. Местная деревообработка включала также изготовление транспортных средств и архитектурных элементов, при этом в качестве сырья использовалась как местная древесина, так и судовые детали, из которых особую ценность представляли качественные корабельные доски из сосны. Многие разновидности деревянных изделий имеют серийный характер: самодельные шахматные фигурки, деревянные ножи для чистки рыбы, ложки, поплавки для сетей, шаблоны для вязания сетей, лопаточки, нартенные копылья и вязы, детские игрушки, оконные рамы, посуда (чашки, ковши, корыта), коробочки и пеналы.

Из бересты изготавливали вкладыши для обуви, посуду и украшения – «крашенину травчатую». «Крашенина травчатая» представляет собой хорошо обработанную бересту с орнаментом, нанесенным с помощью тиснения и краски. Подобная техника хорошо известна по тканям, но по бересте встречена впервые.

У мангазейцев практиковалась и резьба по кости, в том числе по таким трудным для обработки материалам, как мамонтовый бивень, моржовый клык и китовый ус. Найдены расколотые заготовки, а также вырезанные из них прямоугольные в сечении брусочки, кубики-заготовки костей для игры в зернь. Рог, как правило, шел на изготовление оленьей упряжи, рукояток ножей и т. п. Из кости изготовлены украшения в виде накладок, застежки, гребни, обушки ножей, шахматы. Особенно нарядно выглядит рукоять ножа с обкладками из резной кости. В культурном слое встречены аналогичные отдельные пластины. Возможно, что в совокупности эти находки свидетельствуют о наличии на Мангазее собственного косторезного производства, о чем свидетельствуют также заготовки и полуфабрикаты изделий. Судя по находкам полуфабрикатов, на поток было поставлено производство кубиков из бивня мамонта для игры в зернь.

В коллекции находок 2001–2004 гг. имеется небольшая группа вещей, свидетельствующих о тесных контактах горожан с аборигенным самодийским населением. Это весла листовидной формы с Т-образной рукоятью, костяные наконечники стрел архаичного облика, которых нет в русских средневековых памятниках, железные наконечники стрел нерусской формы, орудия для выбивания снега из одежды, сделанные из распиленного вдоль оленьего рога. Добавим, что иволлистная форма лыж с фигурным стабилизатором на русских памятниках до сих пор не встречалась, и возможно, что эти лыжи тоже оставлены местным населением – лесными ненцами или энцами. Эти находки, хотя и немногочисленные относительно общей массы вещей, подтверждают не только то, что ненцы и энцы приезжали в город, но и, возможно, указывают на то, что они проживали в городе.

Пятый раздел первого параграфа посвящен средствам передвижения. Широко распространенным транспортным средством были нарты. В коллекции находок 2001–2004 гг. имеются полоз, копылья и вязы, которые могли принадлежать нартам небольшой ширины (судя по вязам). По размерам копыльев ясно, что кузов крепился низко, и это позволяет предположить, что нарты, скорее всего, были ручными или собачьими, и лишь единицы могли быть оленьими. Новая коллекция лыж, а также находки ступательных площадок, хотя и уступают по численности коллекции из раскопок 1968–1970, 1973 гг., но их анализ позволяет выявить ряд деталей, существенно дополняющих характеристики лыж. Были найдены лыжи-голицы, лыжи с подволоками, а также неизвестный ранее тип лыж иволлистной формы со стабилизатором. Последние наиболее эффективно могли использоваться в лесотундре на уплотнённом снегу.

Водный транспорт представлен деталями кочей, карбасов, лодок и небольшими лодочными веслами. Доски обшивки и кили судов использовались в строительстве изб и амбаров, рули и шпангоуты – для мощения дворов и в качестве подкладок под срубы. Найден полный киль малого коча, который был распилен на четыре части и использован в нижнем венце амбара.

Второй параграф посвящен типологии и характеристике разнообразных групп вещей мангазейской коллекции. Специфика Мангазеи как города состоит в том, что в его жизнеобеспечении значительную роль играли привозные товары. Судя по находкам, сюда везли ткани и готовые одежды, веревки, кожу и кожаные изделия (прежде всего – обувь), стеклянную, высококачественную керамическую и точеную деревянную посуду, тару, металл и металлические изделия, украшения (бусы, перстни, пуговицы, серьги), костяные шахматы, гребни (хотя, вероятно, часть шахмат и костяных гребней могли изготавливаться и на месте). Также привозились транспортные средства (лодки, карбасы, лыжи), ткани, продукты питания, книги и т. д.

Стеклянные изделия представлены бусами, пуговицами и фрагментами посуды. Бусы привозились из городов европейской России. В XIII–XV вв. одним из главных центров производства стеклянных бус был Новгород [*Шанова Ю.Л. Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. – С. 80–93*]. Большинство бусин предназначалось для торговли с аборигенным населением, у которого бусы – одекуй – пользовались повышенным спросом, что подтверждается находками русских одно- и многоцветных бусин на памятниках аборигенных культур позднего средневековья Севера Западной Сибири: на городище Эмдер,

Надымском и Обдорском городках, могильнике Усть-Балык и др. Стекланные пуговицы тоже привозились не только для собственного потребления, но и для торговли с местным населением, что подтверждается соответствующими находками на памятниках аборигенной культуры позднего средневековья. Стекланная посуда найдена в очень мелких фрагментах, среди которых имеются как прозрачные одноцветные, так и раскрашенные. Судя по разнообразию этих находок, в Мангазею завозилось большое количество европейского стекла.

Явно привозной является большая часть железных изделий: судовые скобки, гвозди, сапожные подковки, перовидные и спиралевидные сверла, пищали, клинки ножей, кресала, ножницы, шилья, топоры, швейные иглы, сапожный молоток, чашечка, сундучные накладки, ручки сундуков, замки, ключи, дверные пробои, ручки разновесов, гирьки, варганы, светцы.

Очевидно, что большое количество и разнообразие привозных вещей входит в противоречие с образом Мангазеи как простого городского поселения. Даже при раскопках таких больших, по сибирским меркам, городов как Верхотурье или Томск, в слоях XVII в. не было найдено такого количества разнообразных предметов. Это подтверждает представление о Мангазее как о богатом городе, который играл ведущую роль в обеспечении русского промыслового и аборигенного населения Крайнего Севера Сибири.

В *третьем параграфе* сведены данные о быте, досуге и верованиях жителей Мангазеи. В нем максимально используются результаты комплексных исследований по реконструкции повседневной жизни горожан.

В первом разделе третьего параграфа описана бытовая культура мангазейцев. Анализ костных и растительных остатков позволяет сделать выводы о питании жителей города. Как выяснилось, оно было весьма разнообразным для такого удаленного от земледельческих районов поселения Крайнего Севера. Мясная пища мангазейцев состояла из свинины и говядины, недостаток последней существенно компенсировалась дикой и домашней олениной и зайчатинной. Птичье мясо было на столе в достатке: водоплавающая птица – летом, куропатка – зимой. Кур, в первую очередь, разводили ради яиц, но, возможно, немаловажное значение имело и само наличие куриц и петуха как символов привычной и обустроенной жизни. Пока трудно сказать, насколько удовлетворялась потребность в молочных продуктах, но о том, что производилась переработка молока в сливки, сметану и масло, свидетельствуют находки мучков. Массовые костные останки рыб в слое указывают на то, что рыба была повседневной едой в течение всего года. Существенное разнообразие привносили в питание привозные продукты. В культурном слое обнаружены зерна проса, ячменя, а также скорлупа ореха лещины, косточки сливы и вишни. По данным таможенных книг в Мангазею завозили чернослив, муку, мёд, крупы, толокно, овёс, ячмень, рожь, горох, чеснок, винные ягоды, хмель, перец. К рациону необходимо добавить местные ягоды – морошку, бруснику, голубику и чернику. Суммируя эти данные, можно заключить, что пища жителей Мангазеи была достаточно калорийной и разнообразной для сибирского Заполярья, а также максимально приближённой к привычному для русских питанию в европейской России. Единственным продуктом, которым невозможно было обеспечить жителей, являлись овощи, обычные в рационе русского населения (репа, капуста, лук и др.).

По результатам паразитологического анализа образцов человеческих волос можно заключить, что население не страдало от насекомых-паразитов – вшей и блох, что удивительно для Севера. Это показывает высокий уровень гигиены людей, проживающих в Мангазее. Мытье в бане было частым занятием, одежда, скорее всего, регулярно просушивалась и коптилась над курной печью, а зимой промораживалась.

Говоря о быте, стоит отметить относительно частые случаи применения письма – букв, слов и фраз. Надписи сделаны на самых различных предметах, использовавшихся для самых разных целей: на товарах для доставки, отправки, получения груза и его реализации (бочках и бирках); на личной утвари и хозяйственных предметах для обозначения собственности (посуде, распялке, азбуке); на берестяном черновике для подготовки настоящей челобитной; на коже, как записке-посланию; на доске в качестве учебного пособия – азбуки. Эти надписи свидетельствуют о распространенности грамоты среди значительной части мангазейского населения – торговцев и промысловиков. Если бы грамотными в Мангазее были только избранные люди, вряд ли бы мы встретили надписи на самых простых бытовых предметах.

Жители города обладали также знаниями счета и мер. При раскопках найдены палочки и бруски с засечками и зарубками. Некоторые из них – четырехгранные бруски – могли быть договорными обязательствами земледельца и заемщика, другие явно использовались для счета и измерения длины.

Во втором разделе третьего параграфа описываются игры жителей Мангазеи: шахматы, «зернь», детские игрушки. Исследования показали, что жители и гости города проводили свой досуг за играми. Найдено большое количество шахматных фигур, кубики, стаканчики для игры в зернь. Мангазейская коллекция шахмат является одной из самых больших средневековых коллекций, превышающей, например, новгородскую коллекцию XIII–XV вв. Новая типология мангазейских шахмат сделана на основе типологии И.М. Линдера, с привлечением аналогий из коллекции раскопок 1968–1970, 1973 гг. Примечательно, что в новой мангазейской коллекции фигурки и кости и дерева, выточенные на токарном станке, составляют лишь 9% от общего количества. Это противоречит выводу О.В. Овсянникова, повторенному И.М. Линдером, о том, что лишь около 30% мангазейских фигур вырезаны от руки [*Линдер И.М. Шахматы на Руси. – М., 1975. – 208 с.*].

Присутствие детей в городе засвидетельствовано находками не только детской обуви, но и игрушек. Игрушки очень простые, сделаны на скорую руку: рукоять деревянного меча, сабелька с гардой, сделанная из обыкновенного прутика, миниатюрный молоточек, топорик, лодочка с веслом, четыре стилизованные монолитные лодочки, пластинчатые вертушки в форме бабочек, рыбка, волчок-юла. Некоторые игрушки имеют аналогии с игрушками из раскопок средневековых русских городов, например, меч, лодочка, вертушка. На первый взгляд, количество игрушек, найденных при последних раскопках, небольшое по сравнению с количеством находок в слоях древнерусских городов, но если учесть, что все они собраны в неразрушенном слое раскопа площадью 259 кв. м, сформировавшемся всего за первую треть XVII века, то это не так уж мало. Тем более что в годы начального строительства города у первых жителей вряд ли было много детей.

Третий раздел третьего параграфа содержит информацию по обрядовой деятельности. Во время раскопок особое внимание уделялось месту нахождения вещей, их размещению относительно деталей жилища (дверей, пола, печи и т. д.) и взаиморасположению. В ходе исследований при раскопках Мангазеи были зафиксированы следы магических строительных обрядов. Они обнаружены практически в каждой из шести полностью и девяти частично вскрытых построек и представлены как отдельными предметами, так и специфическими наборами, намеренно положенными под различные части построек при их строительстве. Всего выявлено 17 таких преднамеренных «прикладов». Обнаруженные нами комплекты вещей – не что иное, как остатки материальной составляющей традиционных строительных обрядов, в которых каждый предмет нес определенную смысловую нагрузку. Все они восходят к языческим представлениям об окружающем мире, в соответствии с которыми считалось необходимым обеспечивать семейное благополучие, здоровье путем отправления разнообразных магических обрядов, призванных нейтрализовать негативное воздействие различных духов и стихий и (или) умиловать духов-охранителей (домового, дворового и проч.). Среди прикладов особое место занимает медная чашечка с содержимым – пером глухаря, раковинами моллюсков и зернами проса. Возможно, находка являла собой символическую модель мира, в которой раковины олицетворяли нижний мир, зерна проса – средний, а перо – верхний, небесный. Сам ритуал, вещественным компонентом которого выступал приклад, очевидно, символизировал космогонический акт: строительство дома уподоблялось творению мира, а его конструкция повторяла архаическую картину мира, структурно связывая микрокосм и макрокосм. С этой темой связана и находка небольшой ёлочки под полом постройки 2. Известный по этнографическим материалам обычай на севере Русской равнины установки деревца (чаще всего, именно хвойного) внутри сруба строящегося здания, по мнению одних исследователей, связан с представлениями о доме как о модели микрокосма и макрокосма [Байбурин А.К. *Жилище в образах и представлениях восточных славян.* – Л., 1983 – С. 60]; а о деревце – как мировом древе; по мнению других, ёлочка является проявлением и образом домового [Креничная Н.А. *Русская мифология: Мир образов фольклора.* – М., 2004. – 130-131]. В целом, зафиксированные в мангазейских постройках разнообразные виды строительных прикладов наглядно характеризуют одну из малоизученных сторон духовной культуры жителей средневекового русского города. В ритуальной практике мангазейцев актуализировался мощный пласт дохристианских языческих представлений об окружающем мире.

В Заключении обобщены результаты исследования, подведены итоги, даны основные выводы, обозначены перспективы дальнейших научных разработок. Как показали результаты настоящих исследований, на сегодня городище Мангазеи является самым информативным памятником в археологическом наследии русского освоения Крайнего Севера Западной Сибири и без преувеличения – всей Сибири. По данным археологических исследований, проведенных в 1999–2005 гг. на месте бывшего города Мангазеи, выяснилось, что потенциал этого уникального памятника как исторического источника не только не исчерпан, но и содержит в себе необъятный материал для получения новой ценнейшей научной информации.

Материалы новых исследований Мангазеи дают возможность реконструировать культуру русского населения XVII в. на Крайнем Севере Сибири, которая до сих пор изучена слабо. Археологические источники Севера Сибири этого периода немногочисленны, а письменные источники в основном предоставляют информацию, связанную с культурой высшего сословия (воевод, дьяков и др.); материалы же иностранных путешественников зачастую фантастичны и не соответствуют действительности. Кроме того, материалы археологических исследований Мангазеи, как никакого другого археологического памятника, дают возможность оценить и определить влияние и значение русской культуры в формировании современной культуры аборигенных народов Севера.

По теме диссертации автором опубликованы следующие работы:

1. Мангазея: состояние памятника и перспективы изучения русской материальной культуры XVII века в Сибири (по результатам археологических исследований 1998–2000 гг.) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск–Омск, 2000. – С. 357–358.

2. Коч – русское полярное судно: проблемы исследования и реконструкции. – М., 2000. – 74 с. (соавт. П.В. Боярский, Л.В. Ивасько, О.В. Кардаш, В.В. Сумин, П.М. Шульгин).

3. О судоходстве и судостроении населения реки Надым // Самодийцы. Материалы IV-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» Тобольск – Омск, 2001. – С. 194–196.

4.. Мангазейское притяжение // Российский исторический журнал «Родина». – М., 2002. – Специальный выпуск. – С. 24–28 (соавт. С.Г. Пархимович).

5. Археологические открытия в заполярном городе. – Екатеринбург, 2004. – 16 с. (соавт. С.Г. Пархимович).

6. Русское посадское домостроение на севере Западной Сибири в XVII веке (по материалам новых исследований Мангазеи) // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 19–25.

7. Историко-экологические исследования в Мангазее // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2004. – С. 36–39 (соавт. П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова).

8. Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001–2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск, 2005. –С. 97–105.

9. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. - Екатеринбург, 2004. – 200 с. (соавт. Вершинин Е.В.)

9. Новые археологические исследования Мангазеи // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005. – С. 143–145.

10. Результаты археологических исследований городища Мангазея в 2000–2003 гг. // Научный вестник. Вып. 4 (35). Обдорья: история, культура, современность. – Салехард, 2005. – С. 36–40 (соавт. С.Г. Пархимович).
11. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 117–131 (соавт. С.Г. Пархимович, Т.Н. Глушкова, Е.В. Киреева, А.В. Сутула).
12. Текстиль Мангазеи (начало XVII века) // Археология, этнография и антропология Евразии № 1(25). – Новосибирск, 2006. – С. 117–131. (соавт. Пархимович С.Г., Глушкова Т.Н., Киреева Е.В., Сутула А.В.).
13. Археологическое наследие русского населения Западной Сибири // II Северный археологический конгресс. Доклады. Ханты-Мансийск – Екатеринбург, 2006. С. 58-97. (соавт. Пархимович С.Г.).
14. Местные ремесла посадского населения города Мангазеи по результатам археологических исследований 2001-2005 гг. // Материалы Всероссийского археологического съезда «Современные проблемы археологии России» 23-28 октября 2006. Тезисы докладов. Новосибирск, 2006 а. – С. 218-220.
15. Транспортные средства жителей города Мангазеи (по материалам новых археологических исследований 2001-2005 гг.) // Уральский исторический вестник. Выпуск 13. Екатеринбург, 2006 б. С. 131-137.